

УДК 82.09-1

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-178-194

О. Мандельштам
в первых русских переводах П. Целана

А.И. Третьякова

Трирский университет, Трир, Германия, tretakov@uni-trier.de

Аннотация. Статья посвящена анализу первых переводов стихотворений Пауля Целана на русский язык (1960–1970 гг.). В них наблюдается установка на максимальную близость к поэтическому слову Осипа Мандельштама, что, особенно при переводе ранних произведений, оказывается вовсе неуместным.

С творчеством Мандельштама Целан познакомился не раньше 1957 г., в то время, когда он наиболее интенсивно занимался переводом русской поэзии, которая особым образом повлияла на его собственную поэтику. Однако не на его ранние циклы «Мак и память» (*Mohn und Gedächtnis*) и «Решетка языка» (*Sprachgitter*). Первые же варианты перевода стихотворений из этих сборников на русский язык пошли путем доместикации строк Целана, акустически и лексически приближая их к произведениям Мандельштама, уже знакомым русскоязычному читателю.

Биографически не обоснованное подражание фонетике и отчасти лексике Мандельштама при переводе мы рассмотрим на примерах стихотворений «Памяти Поля Элюара», «Очи», «Дождь полнит кружку» и «Откос».

Ключевые слова: Пауль Целан, Осип Мандельштам, доместикация, перевод

Для цитирования: Третьякова А.И. О. Мандельштам в первых русских переводах П. Целана // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 178–194. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-178-194

O. Mandelstam
in the first Russian translations by P. Celan

Aleksandra I. Tretiakova

Trier University, Trier, Germany, tretakov@uni-trier.de

Abstract. The paper focuses on the analysis of the first translations of poems by Paul Celan into Russian (1960–1970). The early-translated texts were often made in close proximity to some of Osip Mandelstam's poems,

---

© Третьякова А.И., 2019

which, especially in the translation of early works, is not appropriate at all. Celan did not become acquainted with Mandelstam's work until 1957, when he was most intensively involved in the translation of Russian poetry, which had a special impact on his own poetics. However, not for his early cycles of "Mohn und Gedächtnis" and "Sprachgitter". The first translations of the poems from these collections into Russian went through the domestication of the Celan's lines acoustically and lexically bringing them closer to the works of Mandelstam, already known by the Russian-speaking reader. By examples of poems "In Memory of Paul Eluard", "Eyes", "Rain Fills the Mug" and "Slope" the author considers the biographically unsubstantiated imitation of phonetics and partially lexics of Mandelstam in the translation.

Keywords: Paul Celan, Osip Mandelstam, translation, domestication

For citation: Tretiakova, A. I. (2019), "O. Mandelstam in the first Russian translations by P. Celan". *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 178–194. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-178-194.

Живой интерес к поэзии одного из «крупнейших и поворотных» лириков второй половины XX в.» [Литературный гид 2005, с. 205], немецкоязычного еврея из Черновиц Пауля Целана (1920–1970), в России, как ни странно, возник сравнительно недавно. Вплоть до конца 1990-х гг. о нем известно только в узких литературных кругах¹. При этом Целан особенно тесно связан с русской культурой и литературой. В 1961 г. он пишет своему другу В. Маркову: "Im Grunde bin ich ein russischer Dichter" [По сути я, пожалуй, русский поэт]².

Основные категории житнетворческого пространства Целана сложились из его непростой судьбы: иудейство, Холокост, потеря родителей, экзистенциальное одиночество в Париже, гонения, беспрепятственный поиск родины – все это определило центральные темы и характер его поэтики. [Никонова 2006, с. 153]. Неслучайно он обратился и к русским авторам. Одной из целей Целана-переводчика было ознакомление немецкоязычного читателя с малоизвестными до этого в Европе поэтами – Александром Блоком и Сергеем Есениным, а также вовсе неизвестным – Осипом Мандельштамом³.

¹ Б. Дубин описывает 'не-достаток' Целана как «странное недобытие, призрачное полу-существование, осколочное, руинное на-три-четверти-отсутствие – немота объемом в поколение». [Дубин 1996, с. 185].

² Перевод М. Белорусца.

³ Уже в студенческие годы (1940/1941 гг.) Целан перевел несколько стихотворений С. Есенина на немецкий язык, в 1945/1947 гг. – «Герой нашего времени» М. Лермонтова и несколько рассказов А. Чехова. В 1957–

Однако русская поэзия отозвалась в оригинальном тексте Целана, и этот русский след, несомненно, требует особого внимания. Стоит отметить и удивительное сходство биографического мифа у Целана и переведенных им русских поэтов – боязнь стать чужим на родине, изгнанничество и ссылка, тоска и смерть [Хило 2014, с. 162].

Первые поэт знакомится с русским языком и литературой в 1940 г. – очень быстро выучив язык, он, как вспоминает его друг Г. Хомед, читает в оригинале «Войну и мир» и предпринимает первые попытки перевода произведений Есенина [Chalfen 1979, S. 93], к которым он вновь обратится лишь спустя более пятнадцати лет. После известия о смерти его родителей в украинских концлагерях (зима 1942/1943 г.) Россия и/или Украина в стихотворениях Целана упоминаются довольно часто, но исключительно в связи с этим трагическим фрагментом биографии: они становятся воплощением смерти⁴ – «Вспомнит ли южного Буга волна / как тебя, мама, терзала она?». В них не наблюдаются ни аллюзии на знакомые ему произведения русской литературы, ни интертекстуальные связи.

Переехав в 1945 г. в Бухарест, Целан работает редактором в «Cartea Rusă» и переводит для разных литературных издательств «Герой нашего времени» М. Лермонтова и несколько рассказов А. Чехова [Ivanovic 1996, S. 39]. Как отмечает Х. Иванович, переводом русской литературы в эти годы Целан, по всей видимости, занимается исключительно из финансовых соображений – былой интерес начала 1940-х гг. к ней утрачен, потеря родителей в глазах поэта тесно связана с ‘русским’, что на долгое время не позволит ему вернуться к русской поэзии. Однако с конца 1950-х гг., уже десять лет живя в Париже, поэт вновь обращается к русской литературе, он тесно общается с русскими эмигрантами. Его собственные произведения, поэтологические размышления, а также письма 1957–1963 гг. свидетельствуют о глубоком интересе и привязанности к России, ее истории и культуре, а также об огромном влиянии русской поэзии на его творчество. Переводы русских произведений в этот период становятся для него возможностью, если не возврата, то приближения к трагически погибшим родителям, к родине, которую он до конца жизни так и не сможет найти.

1963 г. он интенсивно занялся русской литературой и перевел наибольшее количество произведений: «Двенадцать» А. Блока, несколько стихотворений В. Маяковского, В. Хлебникова, К. Случевского, «Бабий Яр» Е. Евтушенко. Самым значительным корпусом переводов стали 31 стихотворение С. Есенина и 45 О. Мандельштама.

⁴ См., например, стихотворения “Schwarze Flocken” [Черные хлопья, 1943] и “Espenbaum” [Осина, 1945].

Самым ‘русским’ циклом Целана стал “Die Niemandrose” (1963)⁵, посвященный О. Мандельштаму, чья жизнь и поэзия особым образом повлияли на его собственные произведения и поэтологию. ‘Близости’ Целана и Мандельштама посвящено несчетное количество работ, зарубежных и отечественных. К соприкасанию этих двух поэтов из фактически разных отрезков времени – Мандельштам умер, когда Целану только исполнилось 18 лет, – разных стран и культур [ср. Белорусец 2004, с. 165] обратились и переводчики, как, например, Марк Белорусец, Анна Глазова и Ольга Седакова, которые посвятили переключке, внутренней близости двух поэтов, «братству» Осипа и Пауля множество статей⁶. Творчество и особенно поэтологические размышления Мандельштама оказали влияние на Целана и дали ему толчок к переосмыслению своей собственной поэтики [Шталь 2016, с. 61]. Он любил цитировать Мандельштамовское определение стихотворения как письма в бутылке, брошенной в море мореплавателем. Каждое стихотворение – обращение к другому человеку, к его сердцу (“Herzland”), к которому оно должно приплыть подобно Мандельштамовской бутылке⁷. Думается, что страшная участь Мандельштама, собрата поэта-еврея, пишущего по-русски (а судьбе человека/поэта/еврея Целан посвятил огромное множество произведений, ‘слово’ и ‘религия’ у него тесно переплетены) была для Целана в каком-то роде проекцией, возможным вариантом его собственной судьбы. Слова Мандельштама он удостоверил своей поэзией и жизнью. [Белорусец 2004, с. 165]. Мартин Брода, французская переводчица Целана, писала, что Мандельштам, хоть он и не мог этого знать, писал для Целана [Broda 1988, S. 209–221].

В данной работе я предлагаю рассмотреть эту практически мистическую связь двух поэтов не на примере анализа целановских переводов Мандельштама, как это уже многократно происходило,

---

⁵ Неразрывная близость цикла “Die Niemandrose” к русскому поэту привлекла огромное внимание русскоязычных переводчиков, например, у знаменитого “Psalm” существует больше 30 переводов на русский. Вероятно, как пишет переводчик и литературовед А. Нестеров, «Филологическое мышление, привязанное к сюжету “Целан, переводящий Мандельштама”, склонно видеть в названии сборника “Die Niemandrose” (буквально «Роза ничья») парافразу на мандельштамовские строки: «Веневетинову – розу. / Ну, а перстень – никому». [Нестеров 2007, с. 251].

⁶ [Белорусец 2004, с. 164–176]; [Глазова 2003, с. 83–100]; [Седакова 2010, с. 510–513]; [Glazova 2008].

⁷ [Celan P. Ansprache anlässlich der Entgegennahme des Literaturpreises der Freien Hansestadt Bremen 1983.]

а через призму переводов Целана на русский язык, к анализу которых филология до сих пор практически не обратилась. А ведь особенно первые попытки перевода (1960–1970-х гг.), учитывая сложные биографически-поэтологические параллели между Целаном и Мандельштамом, прибегали к использованию поэтического языка ‘брата Осипа’, что, как нам предстоит показать, зачастую вовсе неуместно.

Как известно, Целан открыл для себя Мандельштама во второй половине 1950-х гг., и именно он подарил немецкому читателю его произведения⁸. Интересно, что, как вспоминает филолог Нина Павлова, Целан появился на советских букинистических полках уже в 1959 г., но не как поэт, а как переводчик Мандельштама, и скупался тот двуязычный сборник стихов «Нашедший подкову» вовсе не из-за переводов, а именно из-за русских оригиналов [ср. Павлова 2005, с. 299].

Первый шаг на пути к Целану в России был сделан в 1967 г. – выходит сборник переводов «Строки времени. Молодые поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Западного Берлина», в который включены 5 стихотворений Целана в переводе Г. Громана [Ратгауза] и Л. Гинзбурга. Пауля Целана представили как австрийского автора, что, по понятным причинам, во многом облегчило возможность публикации. Тот факт, что дальнейшие 20 лет им мало интересовались, конечно, объясняется и советской цензурой, и идеологическими соображениями, и запретной тематикой Шоа [Пауль Целан 2004, с. 4]. Помимо этого, в первых русских переводах строки Целана вообще трудно узнать – переводы дополнили оригинал чуждыми метафорами, текст «оживлен»⁹, выглажена мелодия. Оживление это происходило часто за счет чуть ли не прямых цитат из Мандельштама, как, например, в стихотворениях 1952 г. “In Memoriam Paul Eluard” и “Augen”, переведенных Г. Громаном.

Стоит еще раз вспомнить, *когда* именно Целан познакомился с творчеством Мандельштама – в 1957 г. Х. Иванович подчеркивает, что с 1947 г. до этого времени Целан по разным причинам не

⁸ В общей сложности он перевел 45 стихотворений, большинство из них датировано 1958/1959 гг. Ср. [Timoschkowa 2016].

⁹ «Мне хочется, чтобы мои переводы получались живыми – прежде всего, живыми на русском языке. Но достигать этой живости перекраивая автора мне бы никак не хотелось. Был такой переводческий термин “оживляж”: вставить словечко поглубей, метафору порезче. [...] Трудно передать спокойную, несуетливую живость. Можно сказать, не добавить к авторскому оркестру ударных или экзотических инструментов» [Седакова 2010, с. 552].

обращался к русской поэзии и не был знаком с «братом Осипом»¹⁰. Значит, аллюзии на Мандельштама при переводе раннего Целана на русский язык не уместны, однако вполне объяснимы. Уже знакомые читателю строки давали переводчикам возможность 'русифицировать', даже 'умандельштамовить' Целана, сделать его тем самым более доступным для более или менее широкого круга читателей.

Обратимся же к конкретным примерам Целано-Мандельштамовских строк из сборника «Строки времени. Молодые поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Западного Берлина» и антологии 1975 г. «Из современной австрийской поэзии» (составитель Л. Гинзбург, предисловие Е. Витковского, редактор А. Големба):

In Memoriam Paul Eluard

Lege dem Toten **die Worte** ins Grab,
die er sprach, um zu leben.
Bette sein Haupt zwischen sie,
lass ihn fühlen
die Zungen der Sehnsucht,
die Zangen.

Leg auf die Lider des Toten **das Wort**,
das er jenem verweigert,
der du zu ihm sagte,
das Wort,
an dem das Blut seines Herzens vorbeisprang,
als eine Hand, so nackt wie die seine,
jenen, der du zu ihm sagte,
in die Blume der Zukunft knüpfte.

Leg ihm **dies Wort** auf die Lider:
Vielleicht
tritt in sein Aug, das noch blau ist,

Памяти Поля Элюара

Положи на могилу поэта **слова**,
те, что созданы ради жизни.
Положи их ему в изголовье,
пусть он почувствует снова
тиски страсти,
ее тоску.

Положи на глаза поэта **слова**,
он их больше не скажет
тому, кто был с ним на «ты»,
слова,
рожденные кровью аорты,
в час, когда голые руки
тех, кто был с ним на «ты»,
пригвоздили к деревьям грядущего.

Положи на глаза поэта **слова**,
и, быть может,
в них, еще синих,

¹⁰ Ср. [Ivanovic 1996, S. 130]. О переводе стихотворения "Zähle die Mandeln" (1952), вошедшем в сборник «Золотое сечение / Der goldene Schnitt. Австрийская поэзия XIX–XX веков в русских переводах» (1988) Нина Павлова пишет, что в 1. строке бесспорно упомянуты имена Целан и Мандельштам (Zähle=Celan; Mandel=Мандельштам). Да, в "Niemandrose" (1963) имя Осип Мандельштам многократно обыгрывается, становится лейтмотивом, метафорой, но в 1952 г. при написании данного текста Целан не был знаком с ним! Ср. [Павлова 2005, с. 301].

eine zweite, fremdere Bläue,
und jener, der du zu ihm sagte,
träumt mit ihm: Wir¹¹.

иная блеснет синева,
и тот, кто был с ним на «ты»,
тихо вымолвит: «мы»¹².

Стихотворение написано в 1952 г., в день похорон французского поэта Поля Элюара, который отказался выступить в защиту своего друга – чешского историка-марксиста, теоретика сюрреализма, поэта и публициста Завиша Каландры. Он был арестован по обвинению в заговоре против республики и казнен 27 июня 1950 г. В оригинале «слова» поэта [die Worte], «созданные ради жизни» [die er sprach, um zu leben] в первой строфе стоят в оппозиции к тому одному «слову» [das Wort], которое поэт не пожелал сказать в защиту другу – в переводе Г. Громана оппозиция полностью отсутствует. Появляются «слова, рожденные кровью *аорты*» – явный отголосок строк Мандельштама «За Паганини длиннопалым...» (1935): «Играй же на разрыв *аорты* / С кошачьей головой во рту».

В следующем стихотворении «Очи» (1967)¹³ того же сборника переводчик ради сохранения ритмической картины выбирает архаически-поэтическое «очи» для целановских “Augen” (1952). Эта замена синонимом «глаз» сохраняется и в ряду других переводов антологии «Из современной австрийской поэзии»¹⁴, что кажется, по меньшей мере, неудовлетворительным переводческим решением¹⁵. А звукопись текста, его череда ассонансов и аллитераций как будто вырезана из мандельштамовских строк:

¹¹ [Wiedemann 2003, S. 82].

¹² [Целан 1967, с. 14].

¹³ Стихотворение вошло в сборник “Mohn und Gedächtnis” (1952). В полном объеме эта книга выходит на русском языке впервые в 2017 г. в переводе Алеши Прокопьева [«Мак и память»]. Здесь он предлагает свой вариант перевода “Augen”: «Глаза: / светящиеся от дождя, что рекой полил, / когда Бог велел мне пить. [...]» [Целан 2017, с. 61].

¹⁴ «Ночью губы надувши...»: Дай нам обмыть его, / дай причесать, / дай нам око его обратить к небу.

[“Nächtlich geschürzt”, 1952: Laß uns sie waschen, / laß uns sie kämmen, / laß uns ihr Aug / himmelwärts wenden.]

«Воедино»: открыла сиянье огромных / очей, – и зренья, и речь / обрел незабвенный Петрополь, / Флоренция наших сердец.

[“In Eins”: im Eislicht des Kreuzers “Aurora”: / die Bruderhand, winkend mit der / von den wortgroßen Augen / genommenen Binde – Petropolis, der / Unvergessenen Wanderstadt lag / auch dir toskanisch zu Herzen.]

¹⁵ В более поздних русских переводах Целана, насколько мне известно, лексема ‘око’ не встречается.

Augen: schimmernd vom Regen, der strömte, als Gott mir zu trinken befahl.	Очи, в дождевом я вас помню сияньи, когда бог мне испить приказал.
Augen: Gold, das die Nacht in die Hände mir zählt' als ich Nesseln pflückt' und die Schatten der Sprüche reutet'.	Очи, золотые монеты ночные , я вас подобрал, срывая крапиву и бродя под ветвями древних пословиц.
Augen: Abend, der über mir aufglomm, als ich aufriß das Tor und durchwintert vom Eis meiner Schläfen durch die Weiler der Ewigkeit sprengt' ¹⁶ .	Очи, вечер, мне засиявший, когда распахнул я ворота, и увенчанный снегом моих древних висков, проскакал по владениям вечности ¹⁷ .

Во многих текстах Мандельштама встречается именно эта звуковая линия:

В черном бархате советской **ночи**, / В бархате всемирной пустоты, / Все поют блаженных жен родные **очи** (1993, с. 266).

Вооруженный зреньем узких ос / Еще он помнит башмаков износ / Были **очи** острее **точимой** косы (1994, с. 121).

Были **очи** острее **точимой** косы – / По зегзице в зенице и по капле росы (1994, с. 122).

Вот оно, мое небо **ночное**,
Пред которым как мальчик стою, –
Холодеет спина, **очи** ноют,
[...] **Неоконченной** росписи мгла. (1994, с. 128).

Клятвы, **что**, по **чести**, / В конском топоте погибнуть / **Мчатся очи** вместе (1994, с. 136)¹⁸.

Но не только чередование морфем «очи-очн-ечн» наблюдается в ранних русских переводах. Практически каждое стихотворение Целана в антологии «Из современной австрийской поэзии» густо аллитерировано шипящими [ш], [щ], [ж], [ч], которые зачастую

¹⁶ [Wiedemann 2003, S. 48 f.]

¹⁷ [Целан 1967, с. 14].

¹⁸ [Мандельштам 1993–1994].

либо отсутствуют в оригинале, либо же менее четко выражены. В переводах всех циклов Целана делается упор на ‘шипящую’ звукопись. А ведь особенно поздние произведения Манделъштама, для которого фонетика стиха неразрывно связана с семантикой¹⁹, написаны «шипящими бунтующими словами», «суженными звуками» [Бушман 1964, с. 45]²⁰, шумы, особенно свистящие и шипящие, заметнее проступают у него там, где речь идет о боли, горе или смерти [Бушман 1964, с. 4]²¹. Нельзя не отметить, что фонетическая структура ранних текстов Целана, еще не знакомого с произведениями «брата Осипа», удивительным образом напоминает именно шипящую фонетику Манделъштама. Это наблюдение достойно отдельного исследования. В стихотворении “So schlafe” цикла “Mohn und Gedächtnis” [Мак и память], как и в большинстве

¹⁹ В своем эссе «В не по чину барственной шубе» в «Шуме времени» Манделъштам называет шипящие согласные «звуками боли и нападения, обиды и самозащиты». В шепелявой дикции своего учителя В.В. Гиппиуса он слышит музыку революции: «В цветном некрахмальном воротничке беспокройны движения короткой щеи, подверженной ангине. Из гортани рвутся шипящие, клокочущие звуки: воинственные «щ» и «т» // Оглядываясь на весь девятнадцатый век русской культуры, – разбившийся, конченный, неповторимый, которого никто не смеет и не должен повторять, я хочу окликнуть столетие, как устойчивую погоду, и вижу в нем единство непомерной стужи, спаявшей десятилетия в один денек, в одну ночку, в глубокую зиму, где страшная государственность, как печь, пышущая льдом» [Манделъштам 2002, с. 28]. См. о шипящих согласных в произведениях Манделъштама работу В. Мерлина [Мерлин 2016, с. 203–228].

²⁰ Ярчайшим примером значимости шипящих согласных, в частности [щ], является стихотворение «Оттого все неудачи...» («О Кашее», 1936). В своей статье Ф. Успенский цитирует авторский комментарий к этому стихотворению в письме Н. Тихонову: «В этой вещи я очень скромными средствами при помощи буквы «щ» и еще кое-чего сделал материально кусок золота». Ср. [Успенский 2014].

²¹ См. например стихотворения «Век» (1922): Кровь-строительница хлещет / Горлом из земных вещей, / И горячей рыбой плещет / В берег теплый хрящ морей. / И с высокой сетки птичьей, [...]; «Грифельная ода» (1923, 1937): «Кто я? Не каменщик прямой, / Не кровельщик, не корабельщик, – / Двурушник я, с двойной душой, / Я ночи друг, я дня застрельщик. / Блажен, кто [...]; «За гремучую доблесть грядущих веков» (1931): За гремучую доблесть грядущих веков, / За высокое племя людей / Я лишился и чащи на пире отцов, / И веселья, и чести своей. / Мне на плечи кидается век-волкодав, / Но не волк я по крови своей, / Запихай меня лучше, как шапку, в рукав / Жаркой шубы сибирских степей.

других текстов этого сборника, фрикатив [ж], выраженный комбинацией согласных <st> и <sp> и триграфом <sch>, тесно связан с засыпанием и забвением, с попыткой удержать воспоминание о погибших, то есть так или иначе с болью, потерей и смертью:

So schlafe, und mein Aug wird offen bleiben.	Дождь полнит кружку, чтобы нам напиться.
Der Regen füllt den Krug, wir leerten ihn. Es wird die Nacht ein Herz, das Herz ein Hälmllein treiben – Doch ists zu spät zum Mähen, Schnitterin.	Ночь гонит сердце, сердце гнет траву. Но спи, ведь жатва миновала, жница, А я все сны увижу наяву.
So schneeig weiß sind, Nachtwind, deine Haare!	Твоих волос бела ночная выюга,
Weiß, was mir bleibt, und weiß, was ich verlier!	В минувшем снег, и иней впереди!
Sie zählt die Stunden, und ich zähl die Jahre.	Мой счет – года, твой счет – часы досуга.
Wir tranken Regen. Regen tranken wir ²² .	Мы пьем дожди. Дожди мы пьем. Дожди ²³ .

Несмотря на некоторую лексически-семантическую свободу данного варианта перевода, особенно во второй строфе, где “Weiß, was mir bleibt, und weiß, was ich verlier!” [досл.: я знаю, что мне останется, и знаю, что теряю]²⁴ становится «В минувшем снег, и иней впереди!», а ‘часы’ [Stunden] «часами досуга», общая звуковая картина близка к оригиналу. Шипящие согласные в обоих стихотворениях – в переводе особенно [ж] и [ч] – являются символом страдания и потери: становится слишком поздно жить [жатва миновала – zu spät], снег [Schnee] для Целана знак смерти (именно зимой погибли его родители), как и повторение глагола ‘пить’, которое напоминает нескончаемое питье «черного молока» в «Фуге смерти».

Большинство переводов установлено именно на воспроизведение фонетической структуры оригинальных произведений, вплоть

²² [Wiedemann 2003, S. 46].

²³ [Целан 1975, с. 237].

²⁴ Здесь наблюдается игра слов – ‘weiß’ можно перевести как ‘белый (цвет)’ и как ‘знаю’. В переводе Г. Громана игра слов не адаптируется. А. Прокопьев предлагает: «Вихрь ночи, бел, как снег, твой волос белый: о, да, / **Белы** утраты, и бело все впереди!» и конструирует при этом новый вариант двойного прочтения – ‘белы’ подразумевает ‘былы(е)’. [Целан 2017, с. 52].

до воспроизведения определенных букв. С помощью опять же свистящего фрикатива [ж] некоторые тексты антологии имитируют рычащий сонорный [р] оригинала, как, например, в стихотворении «Откос», в котором, как и в предыдущем примере, наблюдается превышенное количество шипящих согласных²⁵:

Die Halde (1954)

Neben mir lebst du, gleich mir:
als ein Stein
in der eingesunkenen Wange der Nacht.

О diese Halde, Geliebte,
wo wir pausenlos rollen,
wir Steine,
von **R**innsal zu **R**innsal.
Runder von Mal zu Mal.
Ähnlicher. **F**remder.

О dieses trunkene Aug,
das hier umher**r**rt wie wir
und uns zuweilen
stauend in eins schaut²⁶.

Откос (1975)

Ты живешь рядом со мной, подобно мне:
камнем
в ввалившейся щеке ночи.

О этот откос наш, любимая,
По которому катимся вниз мы,
Мы, камни,
от **л**ожбинки к **л**ожбинке,
с **к**аждым **р**азом становясь все **к**руглее.
Неотличимей. Отчужденней.

О этот взгляд ненасытный,
блуждающий здесь, как и мы,
удивленно порою
видящий в нас одно²⁷.

В более поздних циклах, начиная с посвященного Мандельштаму “Niemandrose” (1963), шипящие реже проявлены настолько доминантно, как в ранних стихотворениях, но сей факт, по всей видимости, не учелся переводчиками сборника «Из современной австрийской поэзии». В переводах не проглядываются процессы развития поэтического языка Целана, нарастающая от цикла к циклу герметичность, утверждение господствующего положения языковых художественных образов [Никонова 2006, с. 139]. Те немногие стихотворения поздних циклов, которые вошли в антологию, переведены все тем же поэтическим языком, как и более ранние произведения, и они также установлены на передачу и адаптацию звуковой картины текстов, прибегая при этом к избыточной шипящей аллитерации, подражая произведениям

²⁵ /Ж/ Частота (ч): 2.42 Теория (т): 0.8, /Ш/ ч.1.21 т: 0.70, /Щ/ ч.: 1.21 т.: 0.4. Частотный анализ проведен с помощью онлайн-калькулятора: Planet Calc. URL: <https://planetcalc.ru/733/> (дата обращения 27 ноября 2019).

²⁶ [Wiedemann 2003, S. 78].

²⁷ [Целан 1975, с. 246].

Мандельштама. Лексические, семантические и связанные с ними синтаксические отклонения от оригинала до неузнаваемости искажают строки Целана. Перевод стихотворения “Eis, Eden” (1960, “Niemandrose”), предложенный К. Богатыревым, является ярким тому примером:

Eis, Eden	Лед, рай
Es ist ein Land Verloren, da wächst ein Mond im Ried, und das mit uns erfroren, es glüht umher und sieht.	Страны как не бывало. Там месяц рос в кустах... Замерзла и пропала... Но жив огонь в глазах.
Es sieht, denn es hat Augen, die helle Erden sind. Die Nacht, die Nacht, die Laugen. Es sieht, das Augenkind.	Глаза ее живучи. Они глядят в простор , Вперились в ночь и тучи, Как в щелочный раствор.
Es sieht, es sieht, wir sehen, ich sehe dich, du siehst. Das Eis wird auferstehen, eh sich die Stunde schließt ²⁸ .	И мы глядим в надежде Узнать друг в друге нас . И лед воскреснет прежде, Чем наш сомкнется час ²⁹ .

Сонорные [p] и [c], создающие ужасающую атмосферу чего-то угрожающего, непостижимого (Es-оно), сохраняются в оригиналу подобных строках и словах – “Es ist ein Land Verloren, da wächst ein Mond im Ried” звучит в переводе как «Страны как не бывало. Там месяц **рос** в кустах...». Как и в предыдущих примерах, так и в «Лед, рай» шипящие согласные [ж] и [ч] вдвое привышают теоретическую частотность³⁰, в то время как фрикатив [ж] в оригинальном тексте встречается лишь в двух последних строках (auferstehen, Stunde, schließt). Начиная с первой строки смысл произведения кардинально изменен: в переводе появляются оригиналу семантически и идейно далекие поэтические предложения «Но жив огонь в глазах» или «И мы глядим в надежде»³¹. Стихотворение К. Богатырева не адаптирует характерную для Целана фигуру спряжения одного глагола (видеть) – перевод предлагает ряд синонимов (глядеть, впериться), – сообщающую некое подобие неизменности,

²⁸ [Wiedemann 2003, S. 132].

²⁹ [Целан 1975, с. 258].

³⁰ /Ж/: ч.: 1.90 т.: 0.8, /Ч/: ч.:2.86 т.:1.5.

³¹ В оригинале вовсе не идет речь о надежде.

монументальности, статики, то есть неся в себе своего рода альтернативную метафизику [ср. Седакова 2010, с. 526]. Также изменена чередка местоимений “Es sieht, es sieht, wir sehen, ich sehe dich, du siehst” [Досл.: Оно видит, оно видит, мы видим, я вижу тебя, ты видишь]³², в переводе отсутствует и знаменитое «ты» Целана.

Биографически не обоснованное подражание фонетике и отчасти лексике Манделъштама при переводе произведений Пауля Целана мы рассмотрели на примерах стихотворений «Памяти Поля Элюара», «Очи», «Дождь полнит кружку» и «Откос». Аллюзии на поэтический язык «брата Осипа» допустимы, возможно, при переводе текстов конца 1950-х – начала 1960-х гг., но не более ранних, а также более поздних произведений. Бесспорно, творчество Манделъштама оказало огромное влияние на поэтику Целана, однако после периода интенсивного увлечения и занятия русской поэзией в последние годы жизни он практически не обращался к ней. В текстах сборников “Fadensonnen” (1968) и посмертно опубликованных “Lichtzwang” (1970), “Schneepart” (1971) и “Zeitgehöft” (1976) не наблюдается корреспонденции ни с Манделъштамом, ни с каким-либо другим русским поэтом.

Итак, вплоть до начала, скорее, до конца 1990-х гг., русский читатель, если и знаком, то лишь с ‘оживленным’ Целаном, со словом Манделъштама в его произведениях. Встречается оно и в «Фуге смерти» Ольги Седаковой (1999):

он на нас выпускает своих **волкодавов** он нам дарит могилу
в воздушном пространстве³³
Мне на плечи кидается век-**волкодав**,
Но не волк я по крови своей...

В начале 2000-х ситуация начинает меняться и «недостаток Целана в России» прошедших лет компенсируется – выходят двухтомник статей под редакцией Ларисы Найдич («Пауль Целан: материалы, исследования, воспоминания. Том 1: Диалоги и переклички» 2004; Том 2: Комментарии и мемуары 2007), антология переводов Марка Белорусца и Татьяны Баскаковой («Пауль Целан. Стихотворения. Проза. Письма» 2008 и «Время сердца. Переписка Ингеборг Бахман и Пауля Целана» 2016), а также переводы циклов Лилит Жданко-Френкель «Кристалл» (2005), Анны Глазовой «говори и ты» (2012) и Алёши Прокопьева «Мак и память» (2017).

³² См. перевод этого стихотворения О. Седаковой [Седакова 2010, с. 482].

³³ [Седакова 2010, с. 461].

Современные переводчики пытаются найти, создать, сотворить произведения Целана на русском языке. Целана, уже как одного из самых значимых поэтов XX века, а не только как переводчика Мандельштама.

Литература

- Белорусец 2004 – *Белорусец М.* Целан и Мандельштам. Диалоги // Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания: В 2 т. / Сост. и ред. Л. Найдич. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. Т. 1: Диалоги и переключки. С. 164–176.
- Бушман 1964 – *Бушман И.* Поэтическое искусство Мандельштама. München: ImWerden Verlag, 1964. С. 45.
- Дубин 1996 – *Дубин Б.* Пауль Целан: Портрет в зеркалах // Иностранная литература. 1996. № 12. С. 184–211.
- Глазова 2003 – *Глазова А.* Воздушно-каменный кристалл. Целан и Мандельштам // НЛО. 2003. № 63. С. 83–100.
- Литературный гид 2005 – Литературный гид. Роза никому: поэзия Пауля Целана // Иностранная литература. 2005. № 4. С. 203–264.
- Мандельштам 1993–1994 – *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 1–3 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1994.
- Мандельштам 2002 – *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. проф. Г.П. Струве, Б.А. Филиппова. М.; Augsburg: ImWerden Verlag, 2002. Т. 2. С. 28.
- Мерлин 2016 – *Мерлин В.* Поэтическая лингвистика Мандельштама. Русский ларингал // Wiener Slawistischer Almanach. 2016. Vol. 78. С. 203–228.
- Нестеров 2007 – *Нестеров А.* «Псалом» и «Окно хижины» Пауля Целана на фоне еврейской традиции // Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания: В 2 т. / Сост. и ред. Л. Найдич. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2007. Т. 2: Комментарии и мемуары. С. 250–263.
- Никонова 2006 – *Никонова Н.* Пауль Целан в русских переводах и как переводчик русской поэзии // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах: от романтизма к модернизму. Материалы российско-германского семинара. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2006. С. 153.
- Павлова 2005 – *Павлова Н.* Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Пауль Целан 2004 – *Пауль Целан.* Материалы, исследования, воспоминания: В 2 т. / Сост. и ред. Л. Найдич. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. Т. 1: Диалоги и переключки.
- Седакова 2010 – *Седакова О.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. Т. 2: Переводы.

- Успенский 2014 – *Успенский Ф.* Мандельштам в спорах о языке. Звук -щ в стихотворении «Оттого все неудачи» // Успенский Ф. Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама: «Соподчиненность порыва и текста». М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014.
- Хило 2014 – *Хило Е.* Жизнетворчество как основа межкультурного диалога: П. Целан – переводчик поэзии С.А. Есенина // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 162.
- Целан 1967 – *Целан П.* Строки времени. Молодые поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии, Западного Берлина / Сост. И. Фрадкин; под ред. А. Исаева; коммент. Г. Громана. М.: ЦК ВЛКСМ, 1967. С. 14–17.
- Целан 1975 – *Целан П.* Из современной австрийской поэзии / Сост. Л. Гинзбург; предисл. Е. Витковского; под ред. А. Големба. М.: Прогресс, 1975. С. 217–279.
- Целан 2017 – *Целан П.* Мак и память / Пер. с немецкого А. Прокопьева. М.: Libra Press, 2017. С. 61.
- Шталь 2016 – *Шталь Х.* Стихотворение П. Целана «Мандорла» в польских и русских переводах / Ред. К. Татэока, В. Гречко, Ю. Китамура. Белград: Логос, 2016. С. 54–80.
- Broda 1988 – *Broda M.* “An Niemand gerichtet”. Paul Celan als Leser von Mandelstamm “Gegenüber” // Paul Celan / W. Hamacher, W. Menninghaus (hrsg.). Frankfurt a/M., 1988. S. 209–221.
- Celan 1958 – Paul Celan: Ansprache anlässlich der Entgegennahme des Literaturpreises der Freien Hansestadt Bremen (1958) // *Gesammelte Werke in sieben Bände* / B. Allemann und S. Reichert (hrsg.); R. Bücher (mitwirk.). Frankfurt a/M., 1983. Bd. III. S. 185f., hier S. 186.
- Chalfen 1979 – *Chalfen I.* Paul Celan – Eine Biographie seiner Jugend. Frankfurt a/M.: Insel Verlag, 1979. S. 93.
- Glazova 2008 – *Glazova A.* Counter-Quotation: The Defiance of Poetic Tradition in Paul Celan and Osip Mandelstam: Doctoral dissertation, Northwestern University, Evanston, IL, 2008.
- Ivanovic 1996 – *Ivanovic Ch.* Das Gedicht im Geheimnis der Begegnung: Dichtung und Poetik Celans im Kontext seiner russischen Lektüren // *Studien zur deutschen Literatur*. 1996. Band 141. S. 39.
- Wiedemann 2003 – *Wiedemann B.* Paul Celan. Die Gedichte. Kommentierte Gesamtausgabe. Frankfurt a/M., 2003.

References

- Allemann, B., Reichert, S. (hrsg.), Bücher, R. (mitwirk.) (1983), “Paul Celan: Ansprache anlässlich der Entgegennahme des Literaturpreises der Freien Hansestadt Bremen (1958)”, *Gesammelte Werke in sieben Bände. Bd. III*, Frankfurt a/M., Germany, S. 185f., hier S. 186.
- Belorusets, M. (2004), “Celan and Mandelstam. Dialogues”, in Najdich, L. (ed.), *Paul’ Tselan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya. T. 1: Dialogi i pereklichki* [Paul

- Celan. Materials, research, memories. V. 1. Dialogues and exchange of views], *Mosty kul'tury*, Ierusalim: Gesharim, Moscow, Russia, Ss. 164–176.
- Broda, M. (1988), „An Niemand gerichtet“. Paul Celan als Leser von Mandelstamms “Gegenüber”“, in: Hamacher, W. and Menninghaus, W. (hrsg.), *Paul Celan*, Frankfurt a/M., Germany, Ss. 209–221.
- Bushman, I. (1964), *Poehhtiskoe iskusstvo Mandelstama* [Poetic Art of Mandelstam], ImWerden Verlag, München, S. 45.
- Chalfen, I. (1979), *Paul Celan-Eine Biographie seiner Jugend*, Insel Verlag, Frankfurt a/M., Germany, S. 93.
- Dubin, B. (1996), “Paul Celan. Portrait in the Mirrors”, *Inostrannaya literatura*, vol. 12, pp. 184–211.
- Glazova, A. (2003), “Air stone crystal. Celan and Mandelstam”, *NLO*, vol. 63, Ss. 83–100.
- Glazova, A. (2008), *Counter-Quotation: The Defiance of Poetic Tradition in Paul Celan and Osip Mandelstam*, Doctoral dissertation, Northwestern University, Evanston, IL.
- Ivanovic, Ch. (1996), “Das Gedicht im Geheimnis der Begegnung: Dichtung und Poetik Celans im Kontext seiner russischen Lektüren”, *Studien zur deutschen Literatur*, Band 141, Ss. 39.
- Khilo, E. (2014), “Creative life as the basis of intercultural dialogue. P. Celan – a translator of S.A. Yesenin poetry”, *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, vol. 1, p. 162.
- Literaturnyi gid, (2005), “A Rose to No One: Paul Celan’s Poetry”. *Inostrannaya literatura*, vol. 4. Ss. 203-264.
- Mandelstam, O. (1993–1994), *Polnoe sobranie sochinenij v 4-kh tomakh. T. 1-3* [Complete works in 4 volumes. Vol. 1-3], in Nerler, P. and Nikitaev, A. (comp.), Art-Biznes-Tsentr, Moscow, Russia.
- Mandelstam, O. (2002), *Sobranie sochinenii v trekh tomakh. Tom 2* [Collected works in three volumes. Volume 2], in Struve, G.P. and Filippova, B.A. (eds.), ImWerden Verlag, Moscow, Augsburg, S. 28.
- Merlin, V. (2016), “Mandelstam’s poetic linguistics. Russian laryngal”, *Wiener Slawistischer Almanach*, vol. 78, Ss. 203-228.
- Najdich, L. (ed.) (2004), *Paul’ Tselan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya. V 2 t. T. 1: Dialogi i pereklichki* [Paul Celan. Materials, research, memories. In 2 vols. Vol. 2. Dialogues and exchange of views], *Mosty kul'tury*, Ierusalim: Gesharim, Moscow, Russia.
- Nesterov, A. (2007), ““The Psalm” and “The Window of the Hut” by Paul Celan Against the Background of Jewish Tradition”, in Najdich, L. (ed.), *Paul’ Tselan. Materialy, issledovaniya, vospominaniya. V 2 t. T. 2: Kommentarii i memuary* [Paul Celan. Materials, research, memories. In 2 vols., V. 2: Comments and Memoirs], *Mosty kul'tury*, Ierusalim: Gesharim, Moscow, Russia, Ss. 250-263.
- Nikonova, N. (2006), “Paul Celan in Russian translations and as a translator of Russian poetry”, *Evropeiskii interlingvizm v zerkale literatury: kartina mira v nemetskoyazychnoi poezii i ee russkikh perevodakh: ot romantizma k modernizmu. Materialy rossiisko-germanskogo seminaru* [European interlinguism in the mirror of literature. A picture of the world in German-language poetry and its Russian translations:

- from romanticism to modernism. Materials of the Russian-German seminar], Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, Tomsk, Russia, p. 153.
- Pavlova, N. (2005), *Priroda real'nosti v avstriiskoi literature* [The nature of reality in Austrian literature], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Sedakova, O. (2010), *Sobr. soch.: V 4 t. T. 2: Perevody* [Collected works in 4 vol. V. 2: Translations], Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia.
- Shtal', Kh. (2016), *Stikhotvorenie P. Tselana "Mandorla" v pol'skikh i russkikh perevodakh* [Verse by P. Celan "Mandorla" in Polish and Russian translations], in Tatehoka, K., Grechko, V. and Kitamura, Yu. (eds.), Logos, Belgrad, pp. 54-80.
- Tselan, P. (1967), *Stroki vremeni. Molodye poety FRG, Avstrii, Shveitsarii, Zapadnogo Berlina* [Lines of time. Young poets of Germany, Austria, Switzerland, West Berlin], in Fradkin, I. (comp.), Isaev, A. (ed.), Groman, G. (comm), TSK VLKSM, Moscow, Russia, pp. 14-17.
- Tselan, P. (1975), *Iz sovremennoi avstriiskoi poezii* [From modern Austrian poetry], in Ginzburg, L. (comp.), Vitkovskii, E. (pref.), Golemba, A. (ed.), Progress, Moscow, Russia, pp. 217-279.
- Tselan, P. (2017), *Mak i pamyat'* [Poppy and memory], in Prokop'ev, A. (transl. from German), Libra Press, Moscow, Russia, p. 61.
- Uspenskii, F. (2014), "Mandelstam in polemics on language. A sound -sch in the poem "That's why all the failures"", in Uspenskii, F. *Raboty o yazyke i poetike Osipa Mandel'shtama: "Sopodchinennost' poryva i teksta"* [Works on the language and poetics of Osip Mandelstam. "Cosubordination of impulse and text"], Fond "Razvitiya fundamental'nykh lingvisticheskikh issledovaniy", Moscow, Russia.
- Wiedemann, B. (2003), *Paul Celan. Die Gedichte. Kommentierte Gesamtausgabe*, Frankfurt a/M, Germany.

Информация об авторе

Александра И. Третьякова, аспирант, Трирский университет, Трир, Германия; 54296, Германия, Трир, Universitätsring, д. 15; tretakov@uni-trier.de

Information about the author

Aleksandra I. Tretiakova, postgraduate student, Trier University, Trier, Germany; bld. 15, Universitätsring, Trier, Germany, 54296; tretakov@uni-trier.de